

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ланселот — повествователь. Сын Бана, короля Бенвика.

Артур — военачальник и сын Утера Пендрагона, верховного короля Британии.

Гвиневра — дочь лорда Леодегана.

Леди Нимуэ — владычица Горы (Каррек-Лоос-ин-Коос).

Мерлин — друид, советник короля Утера.

Освайн — раб Мерлина, сакс.

Утер Пендрагон — король Думнонии.

Игрейна — супруга Утера Пендрагона.

Моргана — единоутробная сестра Артура, дочь Горлуа и Игрейны.

Мордред — сын Артура и Морганы.

Лорд Константин — военачальник Думнонии, племянник короля Утера, сын Амвросия.

Клаудас — король Арморики (Бретани).

Бан — король Бенвика, отец Ланселота.

Элейна — супруга короля Бана.

Бальсант — брат короля Бана, дядя Ланселота.

Гектор — сын короля Бана, брат Ланселота.

Говран — конюший короля Бана.

Воины Горы:

Мелвас,

Агга.

Стражи Горы:

Бенесек,

Пеллеас,

Эдерн,

Мадерн,

Борс — сын Борса, короля Ганского, двоюродный брат Ланселота.

Воины короля Артура:

Геренц,

Гавейн,

Бедивер,

Кей,

Персиваль,

Эктор,

Гофан,

Герайнт.

Лорд Леодеган — лорд Думнонии, отец Гвинекры.

Менадок — король Корнубии.

Синген Глодридд — король Повиса.

Эйнион ап Мор — король Эбраука (Северной Британии).

Грифид ап Гурган — король Гливисинга.

Кинфелин, сын Артвиса — король Кинвидиона.

Дерох — король Кайр-Гвинтгуика.

Мейрхион Гул — король Регеда.

Масгвид Хромой — король Элмета.

Кин-Марх — король Корнубии.

Король Аэлла — военный правитель саксов.

Урадех — вождь пиктов.

Сиагрий — король Северной Галлии.

ПРОЛОГ

Я веду погоню. Упорно и неотвязно. Сворачиваю то туда, то сюда, мчусь сквозь едкий дым, встающий от бесчисленных жилищ. Вот внизу вырос погребальный холм, сверкнул ручей. Впереди, огибая стога пшеницы, древние дубы и стоячие камни, бурой стрелой мчится лесной жаворонок — так близко, что можно когтем зацепить. Вот мелькнула его белая шейка. Вот черно-белый край крылышка. Он и позабыл о пении, ветер доносит привкус его страха.

Я не могу его поймать. Еще бросок. Еще поворот. Он то взмывает ввысь, к богам, то камнем бросается вниз. Как будто сшивает стежками небо и землю. Я упиваюсь погоней, а еще большие — представшим передо мной зрелищем. Мой свирепый взор вбирает в себя все изобилие мира.

Я сворачиваю в сторону, оставив жаворонка в покое. Мое внимание привлек гул — не от океана, который совсем рядом, а от людей. Я сажусь на вершину голого дерева. Все ветви на нем обрублены, вдоль ствола обмотана железная цепь. Я обоняю дыхание толпы, наплывающее подобно туману. Оно обогревает мои перья, разгоняя рассветный холодок, а я наблюдаю. И чувствую. Чувствую больше, чем положено птице. Чувствую уныние, которое саваном окутывает присутствующих. Чувствую их страх. Их неуверенность и сожаление.

Гул нарастает, волной прокатывается по толпе и утихает снова. Приближаются стражники с копьями, раздвигая собравшихся; из-за страха и чувства долга они держатся скованно. Стражники ведут женщину. Осанка у нее прямая, под стать копьям, но гораздо благороднее. Волосы черные, как вороново перо. С синим отливом, будто крылышки жука. Вся она — словно сверкающая медью буквая листва на исходе осени. Красота ее такова, что все триста собравшихся разом делают глубокий вдох, и утренний воздух врывается им в грудь, подобно тому, как дым и искры уносятся в вытяжку над кузнечным горном.

Руки тянутся к ней, сжимаясь в кулаки, хватаясь за ее домотканое коричневое платье. Мужчинам и женщинам одинаково хочется дотронуться до нее, когда она проходит мимо. Все стремятся стать причастными к ее трагедии. Жаждают получить хотя бы крупицу ее силы. Трепецуют перед ее искусством.

Я совсем забыл о жаворонке, и мой голод притупился. Какой-то гадкий мальчишка замечает меня и швыряет камнем; я не задумываясь срываюсь с места, быстро взмахиваю широкими заостренными крыльями и парю в воздухе, продолжая наблюдать за женщиной, которую ведут дальше, то и дело подгоняя, словно строптивую кобылицу к жеребцу.

Заговорил человек с тонзурой, но слух у меня не такой, как зрение, и его речь для меня — все равно что гусиный гогот. Женщину неуклюже взгромождают на вязанку из веток и прутьев, обвивают ей вокруг талии гремящую цепь, приматывают к голому стволу. Женщина не оказывает сопротивления, отпор сквозит лишь в ее взгляде и осанке. Гордость и стыдливость — вот и все ее колдовство, что бы ни говорил человек с тонзурой, воздевая руки к небу.

Я нависаю над ними, превратившись в сгусток энергии, весь напрягшись, словно натянутый лук. Надеюсь, мое внимание не отвлечет появление жаворонка или чекана, зяблика или щеврицы, ведь моя власть над природными инстинктами ненадежна, словно дым. Я могу тут же ринуться в погоню и преследовать свою добычу до самого края земли.

А вот и огонь. Такой яркий, что у меня заболели глаза. Зловонный смолистый факел. Человек, который его держит, выходит вперед, опустив лицо, словно боится встретиться взглядом с женщиной. И недаром. Недаром страшится этих сине-зеленых глаз, которые прозревают человеческую душу, как ястребы видят мир: отчетливо и незамутненно, до самых мелочей.

Он застыл на месте, этот огненосец. Недвижимый, словно столб, к которому он не смеет приблизиться. Возможно, он боится этой женщины. Возможно, боится толпы — замершей, затаившей дыхание. Все ждут, чтобы костер вспыхнул, и в то же время не желают этого.

К нему подходит человек в золоченых доспехах, чешиуйки на которых сверкают, соперничая с дневным светом. Люди шарахаются от него — полная противоположность тому, как они толклись вокруг женщины. Они отворачивают взгляды, но я слежу за ним, наблюдая, как он выхватывает факел из нерешительных рук, лицо человека бледно, словно остывшая зола в очаге.

Он резко прикрикивает на толпу и широкими шагами направляется через вязкую грязь — ведь чтобы дрова занялись, к ним нужно поднести огонь.

Но тут человек останавливается. Стоит один посреди целого моря душ. Он не боится смотреть на жертву, как тот, первый. Их взгляды встречаются. словно когти сцепились с когтями. словно корни сплелись с корнями.

Откуда-то доносится женский крик. Следом за ним раздаются другие, полные ненависти; человек в золоченых доспехах поднимает факел, пламя трепещет на ветру. Его мышцы наливаются сталью, цель обозначается перед ним со всей ясностью, и он делает последние три шага.

Слезы женщины падают на сухие ветки. Она отворачивает лицо, глядя поверх голов. Глядя сквозь толпу, она словно проникает взором завесу, которая отделяет эту жизнь от следующей. Пламя охватывает солому, напиханную между прутьями. Затрещал огонь. Зрители издали вздох. Первая вонючая струйка болезненно-желтого дыма взвилась кверху, и меня обдало запахом гари. Для обитателя чистого неба это уже чересчур. Я взрываю ввысь, подальше от всепоглощающей ненависти и страха, и отдаюсь на волю ветра, который относит меня в сторону от долины.

ГЛАВА 1

ОГОНЬ В НОЧИ

Я до сих пор помню, как пахло от моего отца. Кожей и сталью. Шерстным жиром, который пропитывал его плащ и клетчатые штаны, а также служил смазкой для клинков — он отталкивал влагу, но вонял бараном. Помню сладкий сенной дух в конюшне и застарелый пот, которым несло от конских чепраков. Отцовский пот тоже помню, и терпкий мужской запах. А когда отцу случалось выпить вина или эля, к его дыханию примешивался пугающий кисловатый душок.

А вот его лица я уже почти не могу себе представить. Да, пожалуй, и не хочу. Но я помню его запах. Стоит только подумать о нем, и я вновь становлюсь мальчишкой.

Его прикосновения я тоже помню, но лишь потому, что они были такими редкими, такими непривычными. Его широкая ладонь треплет меня по голове, так что волосы остаются стоять торчком. Его гранитно-твердая грудь прижимается к моей спине, когда он помогает мне впервые натянуть лук. Его борода, колючая и одновременно мягкая, щекочет меня, когда он шепчет мне вечером у очага, что моя мать была самой красивой женщиной во всем Бенвике.

И уже почаще — жесткие костяшки его пальцев врезаются мне в щеку, так что потом я целый день хожу глухим на одно ухо. Стоит мне вызвать отцовское неудовольствие, и меня больно хлещет его ремень. Или вот еще. Широкие ладони железной хваткой стискивают мне руки и встряхивают с такой

силой, что мой мозг подскакивает внутри черепа, а в лицо летят яростные брызги гнева.

Как ни странно, но среди бурлящего хаоса той ночи мне отчетливо запомнилось отцовское прикосновение. Стиснув мою руку плотной мозолистой хваткой, он потащил меня сквозь клубы дыма и огнистый мрак, ибо к нам явились враги.

Я был в конюшне и чистил Мало, отцовского скакуна, пребывавшего в столь скверном настроении, что никто больше, даже Говран, не смел к нему подступиться. Снега в ту зиму напало много, и пролежал он до самой весны. Бенвик оделся в белую шубу, заставив людей держаться поближе к очагам, заперев рогатый скот в хлевах, а лошадей в конюшнях. Не к чему было подвергать опасности это царственное животное, любимое детище Рианнон, лошадиной богини, без веской причины разъезжая на нем по снегу. Но попробовал бы кто сказать это самому Мало. Пятнадцати ладоней в холке, испанской породы, как говорил Говран, Мало был сильным и стремительным, своенравным и опасным. Горячая кровь в холодной стране. Ему стало скучно. Бездействие его угнетало. Он обвинял в этом весь мир, богов и людей — но не меня.

Как настоящий боевой конь, Мало отличался не только резвостью, но и крутым нравом.

— Этот дьявол мне чуть руку не оттяпал, когда я провел по нему щеткой, — сказал Говран, отряхивая с башмаков налипший снег и оставляя его таять на камышовом полу.

Говран, отцовский конюший, разбирался в лошадях и любил их больше, чем людей, не исключая Клерви, свою жену, о чем она говорила довольно часто, а Говран этого и не оспаривал.

— А Эрвану заехал по заднице, когда тот приподнял его копыто посмотреть, нет ли гнили, — выпалил Говран, дыша на заочневшие ладони. — Стоило бы выпустить этого

черного дьявола на волю да поглядеть, как он рванет во весь опор и перескочит через самые высокие горы, изрыгая ярость и оставляя за собой огненный след. — Он взглянул сначала на мою мать, потом на моего отца. На меня не взглянул. — Если не хотите, чтобы этот дьявол остался нечищеным, пошлите мальчишку.

Мало кто мог разговаривать с моим отцом подобным образом. Но Говран мог. Они были братьями по оружию задолго до того, как отец стал королем.

— Не к лицу тебе такие речи, Говран, — сказал отец. И правда, ведь мне еще не исполнилось и девяти лет. — Мне стоит обзавестись новым конюшим?

— Или новым конем, — процедила сквозь зубы моя мать.

Говран что-то пробурчал, но, к счастью для него, этого никто не услышал — в очаге затрещали сухие сосновые поленья, заглушив его слова. Снаружи крепчал ветер, и я понимал, что обстановка в конюшне становится все напряженнее.

— Меня он не укусит, отец, — сказал я. Почти уверенный в этом.

Мать бросила на меня хмурый взгляд, тяжелый, словно заваленная снегом соломенная крыша.

— Эта зверюга откусит мальчишке голову и проглотит, не поперхнувшись, — сказала она.

— Меня он кусает потому, что постоянно забывает, кто есть кто, — сказал Говран, растирая пальцы и ладони. — Снова думает, будто он господин, а я у него в услужении, и пытается поставить меня на место. Мерзавец. — Он поднял подбородок и кивнул в мою сторону: — Мальчишки он не испугается.

— Мальчишка не станет мужчиной, покуда цепляется за материну юбку, — пророкотал отец, поднося кружку к губам и делая большой глоток.

— Мальчишка не станет мужчиной, если голову ему откусит злобная зверюга, — сказала мать.

Никто не улыбался. Только огонь горел в очаге и светильнике, а в спертom воздухе стоял дым. Всем нам страшно хотелось, чтобы зима поскорее закончилась.

Мой отец что-то пробормотал и взмахнул рукой. Этого было достаточно. Я оказался за дверями, не имея при себе даже фонаря, чтобы осветить путь, и побрел по хрусткому снегу к конюшне Мало, в которой горел огонь. Там было тепло, стоял терпкий конский запах, а сладковатое дыхание жеребца ритмично вырывалось наружу, словно из кузнечных мехов, напоенное яростью, которая и распугала всех людей.

— Вот и я, — сказал я. — Вот и я. — Мои слова прозвучали мягко, словно снежные хлопья ложились на заснеженную землю. Сначала он презрительно фыркнул, догадавшись, что взрослые мужчины струхнули и послали вместо себя мальчишку. Стыд, да и только. Но я дал ему понюхать мои руки, шепнув, что он может укусить меня, если ему от этого станет лучше. Но он меня не укусил, и тогда я вскарабкался на ящик для кузнечных инструментов, уткнулся носом в конскую гриву и вдохнул его запах, а потом прошептал, что мы с ним друзья, а остальные пусть пропадут пропадом. Потом мы принялись за дело: я счищал с его вороной шкуры грязь и соломенную пыль, а он старался разогнать свою ярость.

Кобылы, жеребята и другие жеребцы ерзали в своих стойлах. Лошади боятся свиста ветра, потому что боятся змей, а он похож на змеиное шипение. И могучий скакун в глубине души превращается в беззащитного детеныша. Об этом Говрану поведал один чужеземец, а тот уже рассказал мне. «А по-моему, больше похоже, что они боятся звуков, которых могут не расслышать из-за ветра, вроде

завываний волчьей стаи», — добавил Говран, и это показалось более правдоподобным маленькому мальчику, считавшему, что царственное создание вроде Мало неспособно спутать движение небесных потоков с шипением твари, пресмыкающейся на брюхе.

Потом, если получится, я займусь еще тремя-четырьмя лошадьми. Но Мало я любил больше всех, и когда я оказался в его стойле, весь мир снаружи рассеялся, словно дым от сквозняка. Остались только Мало, я и щетка из свиной щетины. Начать с головы, потом шея, грудь, загривок, потом передние ноги, до самых коленей и даже до копыт. Время от времени приходилось прочесывать щетки гребнем из оленьего рога, чтобы вычистить грязь.

Потом перейти к спине, бокам, животу, крупу и, наконец, задним ногам, до самых копыт. С каждым взмахом щетки на поверхность выступало кожное сало, пока жеребец не залоснился, точно отполированное эбеновое дерево. Затем пришла очередь пройти гребнем по гриве и хвосту, мягко и заботливо, но и слегка небрежно, подобно тому, как месяц движется по небу, — покуда они не станут шелковистыми, колыхаясь от сквозняка, гуляющего по конюшне.

Даже Мало не умел долго таить злость. Тем более на меня. Когда я закончил, в его глазах сверкало уже не возмущение, а гордость. Он стоял, величавый и надменный, оправдывая свое имя, означавшее «блистательный заложник», ибо раньше он принадлежал врагу моего отца. Когда я был еще грудным младенцем, его вместе с другими сокровищами захватили во время набега, и он так полюбился моему отцу, что тот не согласился принять за него выкуп.

— Конь тоже бывает тщеславным, как и воин, — заметил однажды Говран. Мало был тщеславнее любого из отцовских

воинов. Но он мне понравился, и я понравился ему. И он ни разу меня не укусил. Ни разу.

Тут я услышал крик, первым возвестивший мне о вражеском нападении, и с того вечера моя жизнь изменилась навсегда.

Обмотав ладонь тканью, я уже почти заканчивал — смахивал последние пылинки, оставшиеся после чистки, протирал Мало глаза и уши, потому что ему не понравится, если там застрянет щетина. Я с головой погрузился в это занятие, любясь лоснящейся черной шкурой жеребца, подобно тому, как отцовские дружинники самозабвенно наводили блеск на шлемы, клинки, ножны и кожаные перевязи. Поэтому я не сразу расслышал резкие звуки рога среди диких завываний ветра, ярившегося снаружи, за пределами теплой уютной конюшни. Именно Мало сообщил мне об этом. Он фыркнул и вскинул голову, наострив уши и вылавливая среди жалоб ветра крики людей и рев рогов.

В то же мгновение я почувствовал запах дыма и понял, что явились враги. Снова протрубил рог, и я выскочил в ночную тьму, окрашенную медными и бронзовыми отсветами — это горел один из амбаров с зерном. Коровы в хлеву испуганно мычали, и я увидел очертания людей, пробиравшихся сквозь снег. Увидел огненные отблески на клинках и шлемах — и замер на месте, зачарованный этим зрелищем.

— Мальчишка! Беги, мальчишка! К отцу! — Это Гвенаэль с мечом в руке пробирался сквозь снежные завалы, его глаза смотрели дико от выпитого эля, а изо рта валил пар. — Беги, мальчишка! — рявкнул он, обращаясь ко мне, а потом развернул свою облаченную в меха тушу к воину, наставившему на него копье. Гвенаэль отбил удар и погрузил меч в брюхо

противнику, но еще трое подступили к нему, словно волки к медведю, а Гвенаэль вскинул дымящийся от крови меч и заревел, вызывая супостатов на битву. Я увидел, как он рухнул под градом ударов и проклятий, и пустился бежать.

Но не в чертоги к отцу. Я побежал вдоль конюшни, напуганный как ржанием и взвизгиванием лошадей, так и гибелью Гвенаэля, а потом стремительно, точно заяц, пересек открытое пространство перед амбаром, засыпанное снегом, который в отблесках пламени казался бронзовым. Старая копильня служила жилищем для Хоэля и его ястребов с тех самых пор, как король Передур водрузил свой зад на дубовый трон Бенвика, и я ни разу не видел, чтобы дверь в нее запиралась. Не была она заперта и теперь, и я распахнул ее с таким шумом, что птицы в своих клетушках заклекотали и забили крыльями, в безумном волнении срываясь с привязей.

— Кого там принесло, малец? — прохрипел Хоэль, и только любопытство удержало его руку, сжимавшую кожаное вабило, которым он непременно огрел бы меня за то, что пугаю ястребов. Но что бы мог предпринять старый сокольник со своим вабилом против тех, кто убивал воинов моего отца? — Ну же, парень! Кто кого убивает?

— Люди Клаудаса, — ответил я; чтобы это понять, я не нуждался в доказательствах вроде стяга с оленем, принадлежащего королю Пустынной Земли, или самого Клаудаса среди огнистой ночной темноты. — Я видел, как они убили Гвенаэля, — добавил я, почему-то застыдившись.

Хоэль издал гортанный звук, который я слышал даже сквозь наполнявший все вокруг ястребиный клекот. Позади него белый отцовский речет яростно пытался сорваться с шестка, его резкое «кьяк-кьяк» пронизывало затхлый сумрак, а от взмахов широких крыльев пламя свечей трепетало.

— Ну и что, во имя Тараниса, ты здесь делаешь, малец? — спросил Хоэль, по-ястребиному наклонив голову и впившись в меня единственным глазом. На месте другого глаза осталась лишь белесая выпуклость, окруженная морщинистой кожей и пересеченная застарелым шрамом, который давным-давно оставили когти какой-то злобной твари. Мальчишке моего возраста страшно и взглянуть на такое увечье, а получить — еще страшнее. Тем не менее одноглазый ученик сокольника выбился в главные сокольники, а я привык к этому жуткому зрелищу.

Хоэль выглянул в приоткрытую дверь, а я уставился ему в спину; проникавшие внутрь порывы ветра обдавали меня знакомым запахом его пота. По правде говоря, старого сокольника я любил сильнее, чем собственного отца, а Хоэль это понимал и чувствовал себя виноватым. А еще он понимал, что моя привязанность к нему и его птицам может меня сгубить.

Он обернулся, взглянул на меня, и его здоровый глаз сообщил мне, что снаружи, в пронизанной пламенем тьме, он увидел что-то ужасное.

— Твоя мать с ума сойдет от волнения, малец. Беги отсюда! Пока еще возможно.

— Только вместе с тобой, — сказал я и услышал в ночи крик, похожий на лисий. Но я сразу понял, чей это крик.

— Не будь глупцом, — сказал Хоэль, подавшись в мою сторону, словно хотел огреть меня вабилон, которое сжимал в своей похожей на клешню ладони. — Я не побегу с остальными. Не могу, если бы даже хотел.

Я понимал, что это правда. Невозможно представить, чтобы Хоэль пробирался сквозь снег на своих тощих, как жерди, ногах. На моей памяти он даже не ездил верхом и не участвовал в охоте, полагая, что мой отец умеет обращаться с соколами и не погубит их.

— Бегом! Скорее! — вскричал он и огрел меня вабилом. А потом еще раз, но я не сдвинулся с места. Хоэлю полагался подручный, но он отказывал всем желающим (не сказать, впрочем, чтобы их было много), и я полагал, что он приберегает эту должность для меня, хотя готов к ней я стану только через несколько лет. Половину своего времени я проводил в этом темном, едко пахнущем помещении, и сколь ни огромны были знания старого сокольника, его занятия пока что оставались для меня непонятными, поэтому привлекали меня главным образом сами птицы. Они внушали мне восхищение. Даже любовь. И хотя мне, королевскому сыну, мир готовил гораздо большее, я бы с радостью пошел в подручные к Хоэлю. Мой брат Гектор занял бы престол в Бенвике, а мне бы достались соколы и ястребы.

Но такого никогда не произойдет. В этом я был уверен, как и в том, что мертвый белый глаз Хоэля никогда не увидит, как сапсан с быстротой мысли сцапает куропатку прямо в полете. Я стоял неподвижно, ожидая от старика чего-то еще. Нуждаясь в чем-то.

— Они меня не убьют, — сказал он. — Король Клаудас не варвар. Наверняка он любит охоту, как и твой отец, и не убьет меня. — Его язык не поднаторел во лжи, ведь перед птицами лгать незачем, но он протянул руку к клетям и их обитателям, иные из которых еще хлопали крыльями, чувствуя запах огня и крови. — Его сокольничий не знаком с этими птицами. Меня оставят при них. — Его единственный глаз вонзился в меня, словно острие клинка. — А тебя убьют. Или что похуже. — Он взмахнул рукой, выпроваживая меня. — Убирайся. И побыстрее!

Он был слишком стар и неповоротлив, чтобы спастись бегством, и мы оба это понимали. К тому же он не хотел

оставлять своих ястребов чужакам, и я ему уступил. Покинул это затхлое святилище, в котором чувствовал себя счастливым, как нигде больше. Развернувшись, я вышел в дверь, за которой царил хаос.

— Постой, малец!

Я замер, отчаянно надеясь, что старик переменял свое решение и вместе со мной пустится в бегство сквозь ночь.

— Иди сюда. Поскорее. — Он откинул щеколду и отворил клеть, в которой содержались перепелятники, его пальцы двигались неуклюже от старости и, наверное, от страха. Король Клаудас был суров, словно зима. Поговаривали, что даже суровее моего отца. Несомненно, Хоэль тоже об этом слышал.

— Возьми, — сказал он. — Она теперь твоя.

Я смутился. Ястребица была молодая, с крапчатым оперением и еще желтыми глазами, но выглядела сердито, как все перепелятники. Я сопровождал Хоэля, когда он нашел ее в лесу возле Гурена, еще до того, как начались снегопады. Мы обратили внимание, что вокруг не было других гнезд, — верный признак, сказал сокольник, что неподалеку поселилась самка перепелятника. В подобных вещах он никогда не ошибался.

— Ястребица? — спросил я в замешательстве.

— Да, ястребица, — ответил Хоэль, поднеся птицу к лицу и внимательно осмотрев ее, словно желая покрепче запечатлеть ее в памяти. — Береги ее. Пестуй. Перенимай опыт у других.

Я оглянулся через правое плечо на отцовского белоснежного кречета, который сидел на шестке, вперив в меня такой же взгляд, как у Хоэля. «Ке-ек, ке-ек!» — произнес он. Я почувствовал его возмущение. Если уж спасать какую птицу

от наших врагов в эту страшную ночь, то нужно выбрать самую достойную. Этот крик, отменно выученный искусству охоты, стоил больше золота, чем весил сам. Много раз я видел, как он взмывал над высочайшими из гор, рассекая небо, словно падающая звезда. Я упивался тем мгновением, когда он складывал крылья и устремлялся вниз, а его силуэт постепенно увеличивался, пока жертва не замечала или не чувствовала его приближение, но было уже поздно. Крик был настоящим охотником. Но ястребица? Невышколенная, неопытная. Еще недавно — комочек растрепанного пуха с вечно разинутым голодным клювиком.

Она закричала, и даже в такую ночь у Хоэля нашлись для нее ласковые слова.

— Прости, Королевна. Будь умницей, — прошептал он, одной рукой достав из-под стола плетеную корзину и опустив ястребицу внутрь, в неведомую темноту. — Нужно покормить ее, как только сможешь, — сказал он, протягивая мне корзину с ее беспокойной обитательницей. Я кивнул и принял эту ношу, хотя одним глазом еще косился на крикача. Хоэль взял свою сокольничью перчатку, потертую, всю в пятнах от крови, пота и дождя, но чистую. Чудесная была перчатка, пошитая точно по мерке, снятой с левой ладони Хоэля. Не считая самих птиц, по сути дела принадлежавших моему отцу, она составляла главную драгоценность для старого сокольничего. Но сейчас, больше не взглянув на нее, он приблизился ко мне и засунул перчатку мне за пояс.

— Теперь иди. К отцу и матери. Они о тебе позаботятся.

И я пошел.

Сполох, мой почти ручной лис, поджидал меня возле поленницы под застрехой коптильни. На его яркой шубке играли отсветы пламени, что колыхались подобно огромному парусу,